

И. В. СОКОЛОВА

НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ VI—XII вв.
В КРЫМУ

Проблемы византийского города продолжают оставаться в центре внимания византистоведов. Доклад Е. Кирстена «Византийский город» на XI международном конгрессе византистов¹ и совместный доклад Н. В. Пигулевской, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмова и А. П. Каждана «Город и деревня в Византии IV—XII вв.»² на XII конгрессе показали степень изученности разных аспектов этой темы и поставили перед исследователями ряд важных проблем. Одной из них является социальная, политическая и экономическая жизнь так называемых провинциальных городов, их взаимоотношения с окружающей сельской средой. Систематические раскопки важнейших населенных пунктов Крымского полуострова, которые ведутся почти столетие, и недавно начатые исследования сельских поселений дают значительный материал для изучения данной проблемы на примере этой далекой окраины Византийской империи. Центральное место среди археологических памятников византийского времени в Крыму принадлежит, безусловно, Херсонесу (средневековому Херсону), не только из-за его большей по сравнению с другими памятниками исследованности, но и благодаря его роли в средневековой истории Северного Причерноморья.

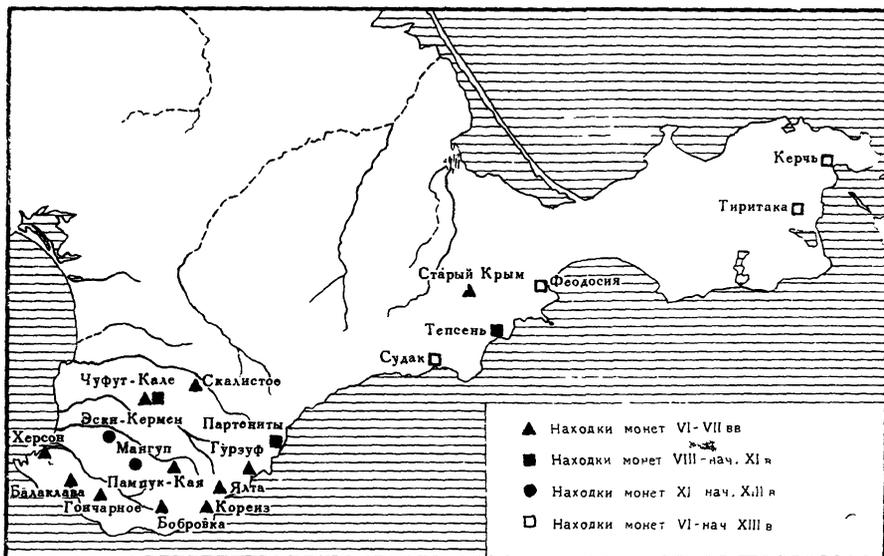
В данном докладе делается попытка обобщения только одного рода вещественных свидетельств культуры этого времени, добытых археологами за многие годы, а именно: монет. При исследовании этого наиболее обширного по количеству материала встает такое множество вопросов, которое, безусловно, не может быть разрешено в рамках одной статьи. Значительной части их можно лишь вкратце коснуться, разработку других приходится отложить на будущее.

Крым представляет собой область, где на небольшом пространстве соседствовали самостоятельные варварские государства, находившиеся под византийским влиянием и входившие в Византийскую империю районами. В каждом из них были свои условия и особенности обращения византийских монет, что в известной мере прослеживается по монетным находкам. С начала систематических раскопок Археологической комиссии в Крыму найдено более 12000³ монет византийского времени (как центральных мо-

¹ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen byzantinische Kongress». Bd. 3. München, 1958.

² Н. В. Пигулевская, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, А. П. Каждан. Город и деревня в Византии в IV—XII вв.— «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Rapports», t. I. Beograd, 1963.

³ Сведения о находках византийских монет в раскопках Херсонеса в 1888—1908 гг. помещены в «Отчетах» и «Известиях» Археологической комиссии за соответствующие годы. К. К. Косцюшко-Валюжинич, руководитель раскопок, давал под-

Находки византийских монет VI—XIII вв. в [Крыму. Местонахождение обозначено по древним поселениям либо по современным близлежащим населенным пунктам.

нетных дворов, так и Херсона) и из них только около 80 экземпляров в юго-западном, восточном и западном Крыму, все остальные — на херсонесском городище. Такое резкое различие в количестве найденных монет хотя и зависит в какой-то мере от степени изученности памятников, но, несомненно, отражает и объективную картину уровня развития денежного обращения в сельских местностях и в крупных центрах варварского мира, с одной стороны, и в византийском городе Херсоне — с другой. Большое количество найденных на херсонесском городище монет — бесценный источник, позволяющий если не решить некоторые вопросы средневековой истории города, то хотя бы высказать обоснованные гипотезы.

При знакомстве со списками монет из раскопок Херсонеса прежде всего бросается в глаза подавляющее преобладание в находках медных монет. За 80 лет, прошедших с начала раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, на территории городища найден лишь 21 экземпляр монет из драгоценных металлов. Среди них решающее значение принадлежит золоту. За многие годы раскопок найден всего один милиарисий Иоанна Цимисир-

робные списки только херсонских монет, остальные в подавляющем большинстве случаев записаны суммарно вместе с монетами римских императоров («Дела Археологической комиссии по Херсонесу» за соответствующие годы в Архиве ЛО ИА). Это ограничивает возможность их использования. Более точные публикации монет из раскопок Р. Х. Лепера и Г. Д. Белова, сделанные Л. Н. Беловой (Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Р. Х. Лепера в 1908—1912 гг. — «Херсонесский сборник», вып. III. Симферополь, 1934; ее же. Хронологическое описание монет, найденных в Херсонесе при раскопках 1926 г. — «Херсонесский сборник», вып. II. Симферополь, 1927; ее же. Монеты из раскопок Херсонеса в 1931—1932 гг. — МИА, № 4, 1941, стр. 270—272; ее же. Монеты из раскопок Херсонеса в 1934 г., в кн.: Г. Д. Белова. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Крымиздат, 1936, стр. 41—50; ее же. Описание монет из раскопок Херсонеса в 1935 и 1936 гг., в кн.: Г. Д. Белова. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Крымиздат, 1938, стр. 139—154 и 317—344; ее же. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. — МИА № 34, 1953). Списки монет из раскопок последних лет частично изданы А. М. Гилевич. (Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. — «Херсонесский сборник», вып. V. Крымиздат, 1959, стр. 191—205; ее же. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1958—1960 гг., в кн.: Е. Г. Суоров. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961). Данные о находках монет в остальных районах Крыма собраны в книге и статье В. В. Кропоткина (Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 33—35; ег о же. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 174—177).

хия и одна серебряная монета Алексея I Комнина. От более раннего времени в Херсонесском музее сохранилась гексаграмма Константа II, происхождение которой неясно: в отчетах не упоминается о находке подобной монеты. Золотые же монеты начали открывать с первых лет раскопок Археологической комиссии. В 1889 г. была найдена номисма Михаила III с Феодорой и Феклой; в 1891 г. — две номисмы Василия I и одна — Иоанна Цимисхия, в 1895 г. — еще одна монета Иоанна Цимисхия, а также две — Алексея I Комнина, одна — Иоанна II, две — Мануила I Комнинов; в 1897 г. — номисма Василия I и Константина, а в 1901 г. — еще одна золотая монета Алексея I Комнина. За годы раскопок Р. Х. Лепера и Г. Д. Белова найдены золотые монеты Анастасия, Юстиниана I, Фоки, Константина V, Михаила III, Василия I. Таким образом, в литературе опубликовано 19 золотых византийских монет. Это довольно значительное число, если сравнить с Афинами ⁴, где не найдено ни одного золотого, и Коринфом, где из обнаруженных приблизительно 200 экземпляров (на 43 тыс. общего числа) большая часть принадлежит двумкладам времени Алексея I и Мануила I Комнинов ⁵. Сочетание золотых монет с огромным количеством медных при почти полном отсутствии серебряных и иноземных монет ⁶ не оставляет никаких сомнений в том, с каким государственным образованием политически и экономически был связан Херсон в VI—XII вв. Две серебряные монеты в Херсоне, пять в Афинах, две-три в Коринфе отражают ту незначительную роль, которую играло в денежном обращении Византии VI—XI вв. серебро, предназначавшееся в основном, очевидно, для внешнего рынка. Когда некоторые города попадали на какое-то время в сферу действия иных денежных систем (как, например, Гераса ⁷ или Корум ⁸), при раскопках это выражалось прежде всего в увеличении находок серебряных монет, игравших большую роль как в Западной Европе, так и в странах Ближнего Востока ⁹.

Состав медных монет из раскопок Херсонеса показывает, что закономерность их обращения в Херсоне имела свои особенности, речь о которых будет ниже, но в какой-то мере отражала и общеимперские тенденции. Так, почти все херсонские монеты Маврикия имеют знаки стоимости в 4 (Δ) и 8 (Н) денежных единиц ¹⁰, хотя монеты эти крупные, по весу и размеру равны фоллам и полуфоллам Византии того времени. В 1911, 1937 и в 1941—1948 гг. были найдены монеты Маврикия, чеканенные в Херсоне и во всем подобные его монетам со знаком Δ и Н, но имевшие обозначение номинала К и М ¹¹. Таким образом, выяснилось, что при Маврикии

⁴ The Athenian Agora, II. Coins roman-venetian, by M. Thompson. Princeton, New Jersey, 1954.

⁵ J. M. N a r r i s. Coins fund at Corinth. — «Hesperia», 1941, X, 2, p. 155.

⁶ При раскопках найдено лишь несколько куфических фельсов VIII—IX вв. Из Херсонеса происходит также клад дирхемов (П. С. С а в е л ь е в. Мухаммедаванская нумизматика, т. I. СПб., 1846, стр. 24).

⁷ A. R. B e l l i n g e r. Coins from Jerash. New Jersey, 1938; i d e m. Coins and Glansware. Gerasa, Sity of Decapolis. New Heven, 1938, p. 497.

⁸ D. N. C o x. Coins from the Excavations at Corium. New Jersey, 1959.

⁹ Напомню также, что на территории Византии не зарегистрировано ни одногоклада серебряных византийских монет VI—XII вв. Большинство серебряных византийских монет этого времени встречается в составе кладов восточных и западноевропейских монет (см. S. M. M o s s e r. A Bibliography of Byzantine Coin Hoards. New Jersey, 1935) И. В. С о к о л о в а. Клады византийских монет как источник по истории Византии... — ВВ, XV, 1959, стр. 59).

¹⁰ А. В. О р е ш н и к о в. Херсоно-византийские монеты. — Труды московского нумизматического общества», т. III. М., 1905. стр. 363—364, №№ 5—10. В. Рос считает, что цифры 8 и 4 означают количество пентануммиев. Однако он не объясняет, чем вызвано такое изменение счета (W. W r o t h. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, v. 1. London, 1908, p. 158—159).

¹¹ А. В. О р е ш н и к о в. Указ. соч., стр. 363, № 4; е г о ж е. Херсоно-византийские монеты (Дополнение). — «Нумизматический сборник», т. I. М., 1911, стр. 109; Л. Н. Б е л о в а. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII, стр. 264, № 255, стр. 276, № 234.

в Херсоне была изменена денежная единица. По-видимому, событие это того же порядка, что и прекращение выпуска пентануммиев при Юстине II на всех византийских монетных дворах, кроме итальянских. Это явление в экономике и денежном обращении Византии еще не изучено, и трудно судить о его причинах и содержании. Скорее всего, оно связано с кризисом, отражает вздорожание цен и инфляцию, а изменение знака стоимости на херсонских монетах (при сохранении неизменными веса и размера монет) — попытку урегулирования денежного обращения.

Большинство монетных дворов Византии прекратило свое существование в правление Константа II. К сожалению, мы не можем сказать точно, когда закрылся монетный двор Херсона. Он действовал периодически. Последними точно датированными являются доброкачественные, полновесные монеты Ираклия и с его надчеканками херсонские монеты Маврикия¹². Казалось бы, прекращение выпуска монет в Херсоне совпадает с закрытием большинства византийских монетных дворов. Однако имеется несколько экземпляров литых херсонских монет, по типу подражающих монетам Маврикия, но по качеству исполнения не имеющих с ними ничего общего. На лицевой стороне их помещены изображения двух людей, стоящих во весь рост, в фас; на оборотной стороне — один человек и справа от него — Δ .

Первый экземпляр такой монеты был издан А. В. Орешниковым и отнесен им без всяких объяснений ко времени Маврикия¹³. В 1941 г. Л. Н. Белова издала второй подобный экземпляр, найденный при раскопках 1935 г.¹⁴ Она обратила внимание на отличие этой монеты от монет Маврикия, но по сходству ее типа с типом монет последнего отнесла данную монету к правлению этого императора.

Предложенная атрибуция, однако, мне представляется неправильной. Во-первых, как экземпляр, изданный Л. Н. Беловой, так и известные мне монеты из частной коллекции и Эрмитажного собрания — литые. Напротив, все монеты Маврикия — чеканенные. Чеканена и находящаяся в Эрмитаже монета Ираклия из собрания И. И. Толстого. Надчеканки Ираклия на монетах Маврикия также свидетельствуют о польвовании техникой чеканки, а не литья монет еще в правление Ираклия. Следовательно, литые монеты, в том числе и интересующие нас, появились в Херсоне позднее. Во-вторых, тип монет не полностью совпадает с обычными монетами Маврикия, причем каждый из четырех рассмотренных мной экземпляров имеет свои особенности. Экземпляр А. В. Орешникова ближе всего к монетам Маврикия, однако у него плохо сохранилась лицевая сторона и можно лишь предполагать, что справа в поле была какая-то буква. На экземпляре из раскопок Г. Д. Белова на лицевой стороне между фигурами помещен крест, который поддерживает правая из представленных на монете особ. (На монетах Маврикия император изображен с державой, императрица — с крестом, который она держит на правом плече.) На оборотной стороне крест почти сливается с Δ . Изображенные на лицевой стороне монеты И. И. Толстого два лица имеют мало общего с изображениями императора и императрицы на монетах Маврикия: отсутствуют короны, какие-либо царские регалии в руках, вид одежды совершенно неопределен, во всяком случае, это не парадное облачение, в котором пред-

¹² Н. Н. Мурзакевич. Херсонская монета императора Ираклия. — ЗООИД, т. XI, 1979, стр. 314—316. И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. VI, СПб., 1914, стр. 700, № 371. Предложенное К. В. Голенко определение монет с надчеканками как боспорских недостаточно аргументировано и не может быть принято (K. G o l e n k o. Gegenstempel auf chersoner Münzen des Maurikios Tiberios. — «Hamburger Beiträge zur Numismatik», H. 18/19, 1964/65, S. 5—12. Cp. Ph. G r i e r s o n. The Crimean countermarks of Heraclius. — «Numismatic chronicle», 1966, VII serie, v. 6, p. 221—224).

¹³ А. В. Орешников. Указ. соч. — «Нумизматический сборник», т. 1, стр. 108, № 2.

¹⁴ Л. Н. Белова. Непзданные монеты Херсонеса. — СА, VII, 1941, стр. 328.

ставлен василевс на монетах Маврикия. Нет никаких различий в изображении обоих лиц, которые позволили бы считать одного из них императрицей. На оборотной стороне изображение слева стерто, справа — Δ, над ней слева — крест. На четвертой монете, происходящей из собрания Русского археологического общества, изображенные лица представлены в плащах, крест на оборотной стороне слился с Δ, изменив смысл этого знака.

Таким образом, все имеющиеся в моем распоряжении монеты отличаются друг от друга и от монет Маврикия и указывают на значительную продолжительность их выпуска, в течение которой цифра на оборотной стороне переосмыслилась в крест на голгофе. И. И. Толстой относил свою монету (с буквой В в поле) к правлению Василия I, хотя и с большим сомнением. Принять его атрибуцию нельзя по двум соображениям. Тип этих монет резко отличается от всей серии херсонских монет IX—X вв. Трудно предположить, что уже после того, как выработался новый стандартный тип монеты, херсонцы вспомнили существовавший два века назад и в подражание ему начали лить монеты. Нам еще не известно, что означает В на лицевой стороне, и прежде чем принять ее за начальную букву имени императора, нужно это доказать.

К сожалению, чрезвычайно важное археологическое свидетельство — обстоятельства находки одной из монет в раскопках — мы не можем привлечь для установления даты серии. Монета, найденная Г. Д. Беловым, была обнаружена в могиле № 12 базилики 1935 г. Автор отчета пишет, что кладбище на месте базилики появилось после разрушения храма, и датирует весь комплекс могильника XI—XIII вв.¹⁵ Однако могилы как по характеру погребений (костницы или единичные труположения), так и по глубине захоронения и по инвентарю очень разны. Верхний край одной, несомненно очень поздней, детской могилки находился на уровне стены часовни, построенной на месте разрушенной базилики. В могиле была найдена одна тонкая медная восточная монета. Как показывают многолетние раскопки, тонкими медными восточными монетами, находимыми на херсонесском городище, являются, как правило, монеты татарские.

Наряду с этой могилкой в отчете описаны и такие, где среди инвентаря встречаются монеты более раннего времени, например могилы №№ 24, 25, 26 и др., содержавшие монеты Василия I, Романа II, Иоанна I Цимисхия, Льва VI. В могиле № 1 возле черепа лежала монета Юстиниана I; возможно, что погребение современно этой монете, так как, судя по отчету, оно не было повреждено и в нем не было повторного захоронения.

Могилы № 12 также не была использована вторично. Она находилась под часовней в среднем нефе базилики и, можно предполагать, относится к более раннему, чем часовня, времени. Однако отчет не дает материала для более точной датировки.

Таким образом, остается недатированной и серия литых монет, подражающих херсонским монетам Маврикия. Мне кажется, что пока можно говорить лишь о том, что они выпускались небольшими партиями после правления Ираклия, но до вступления на престол Василия I^{15а}. Между тем, правильная датировка этих монет очень важна для решения многих вопросов истории города и, в частности, для выяснения причин и длительности перерыва в монетных эмиссиях.

Причины, которые привели к закрытию монетного двора в Херсоне, были теми же, что и в большинстве городов империи. Однако среди них нельзя назвать, по нашему мнению, перерыв в существовании города. Кроме письменных источников, сообщающих о событиях и людях Херсо-

¹⁵ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Крымиздат, 1938, стр. 113 и сл.

^{15а} Так думает и В. А. Анохин, работа которого (Обзор монетного дела средневекового Херсона. — «Нумизматика и сфрагистика», III, 1968, стр. 102—103) вышла в свет после сдачи в печать этой статьи.

на в начале и конце VIII в. (я имею в виду события, происшедшие в правление Юстиниана II и письма Феодора Студита), есть и некоторые нумизматические свидетельства, позволяющие это мнение отстаивать.

По данным публикаций Л. Н. Беловой и А. М. Гилевич, на городище найдено 8 монет VIII в. Они распределяются следующим образом: Юстиниана II и Тиберия — 1 экз., Константина V — 3 экз., Льва IV — 3, Константина VI и Ирины — 1 экз. Конечно, монет VIII в. значительно меньше, чем монет VI, VII, IX и X вв. херсонского чекана, которые распределяются следующим образом:

VI в.	VII в.	IX в.	X — начало XI в.
Анастасий I — 138	Фока — 3	Никифор I — 1	Лев VI — 7
Юстин I — 10	Иракий — 10	Михаил I — 1	Роман I — 17
Юстиниан I — 10	Констант II — 12	Лев V — 21	Никифор Фока — 16
Тиберий — 2	Константин IV — 6	Михаил II — 2	Иоанн Цимисхий — 1
Маврикий — 6		Феофил — 6	анонимные — 21
		Михаил III — 1	
		Василий I — 1	

В поступлении монет в Херсон на протяжении этих пяти веков трудно усмотреть какую-то закономерность, можно отметить лишь его непрерывность. Небольшое количество привозных монет не могло покрывать потребности города в деньгах. В отличие от других византийских городов, в Херсоне VI—VII вв. и второй половины IX—X в. эта потребность удовлетворялась за счет собственного монетного чекана. Спрашивается, что могло служить средством обращения в VIII—первой половине IX в., когда собственной эмиссии в Херсоне не было?

Очень интересную догадку высказала на этот счет А. М. Гилевич, по мнению которой в VIII в. могли обращаться монеты предшествующего времени¹⁶. К сожалению, материал автора не подтверждает его мысли, однако в таком предположении нет ничего невероятного. Период обращения монет в Византии, как о том свидетельствуют клады, очень велик. Монета циркулировала, как правило, до своего естественного выхода из обращения в результате ее потери, ухода в сокровище, несовместимости с новыми монетными выпусками и т. п. Следовательно, априори можно сказать, что в VIII в. продолжали ходить монеты VI—VII вв. Клад, найденный в 1949 г. на Бастионной улице г. Севастополя, служит этому доказательством. Он содержал херсонесскую монету III в. н. э., римскую IV в., монету Аркадия, монету Гонория, римскую IV—V вв., херсонесскую Зиона, монету Юстиниана I, монету Константина V, две монеты Константина VI и Ирины, восемь монет Льва V, монету Василия I¹⁷. В. В. Кропоткин считает временем его сокрытия конец IX в. Однако Л. Н. Белова в выступлении на одном из докладов в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа высказала предположение, что клад был коллекцией нашего современника и зарыт, возможно, в последнюю войну. Единственная причина для сомнений — слишком большой диапазон содержащихся в нем монет. Поскольку, таким образом, подлинность клада оспаривается, необходимо остановиться на его датировке.

Прежде всего нужно отметить, что клад мог быть составлен только в Херсоне и нигде больше. Об этом свидетельствуют 3 монеты херсонского чекана, которые не ушли далеко за пределы города, а также монеты Льва V. Все монеты этого императора, бывшие в кладе, относятся к так наз. провинциальному чекану и на территории СССР встречаются лишь

¹⁶ А. М. Г и л е в и ч. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г., стр. 193.

¹⁷ В. В. К р о п о т к и н. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962, стр. 34, № 217.

в Херсонесе¹⁸. Монеты Василия I — пожалуй, самые обильные среди всех херсонских монет, но и их ареал ограничен европейской частью СССР (лишь одна монета найдена в Коринфе). Единственное место, где совместно находят ранние херсонские, провинциальные Льва V и херсонские монеты Василия I, — это Херсонес. Что касается главного и единственного аргумента против признания клада подлинным, а именно что промежуток времени между самой древней и самой поздней монетой слишком велик, то он отвергается таким достоверным сравнительным материалом, как несомненные клады. Близ самого Херсонеса был найден клад времени Юстиниана I, содержащий монеты Константина Великого, Констанция, Валериана, Феодосия Великого, Аркадия, Гонория, Зинона, Льва I, Анастасия и Юстиниана I — всего 317 экземпляров¹⁹. Другой клад, найденный на территории Крыма, содержал, наряду с 742 экземплярами татарских, генуэско-татарских и турецких серебряных монет, одну медную боспорскую²⁰. Наиболее близок к кладу с Бастионной улицы клад, найденный в Коринфе во время раскопок 1937 г. В его состав входили: монета середины IV — середины III в. до н. э., монета Нумериана, монета Константина Великого, монета Констанция II, монета Валентиниана, шесть монет Маркиана, три монеты Льва I, девять монет Зинона, 92 монеты Анастасия I, шесть монет Юстиниана I, 48 неопределенных монет V в. и 217 прочих²¹. В данном кладу хронологический промежуток между крайними монетами равен девяти векам, а не шести, как в севастопольском. Таким образом, одновременность чеканки монет клада не может быть бесспорным свидетельством в пользу его «коллекционного» происхождения.

Признавая севастопольский клад подлинным, сокрытым в начале правления Василия I, нужно, однако, подчеркнуть его особенность сравнительно с византийскими кладами этого времени, происходящими из центральных районов империи. Она заключается в том, что клад содержал предиконоборческие, иконоборческие и послееконоборческие монеты. В центральных областях Византии кладов подобного состава до сих пор не найдено. Клады золотых монет свидетельствуют об изъятии номисм иконоборцев после победы иконопочитателей²². Два клада золотых монет времени Льва III служат хронологической гранью между циркуляцией монет доиконоборческого и иконоборческого периодов²³. Херсонцы, лишенные возможности пополнять запас средств обращения за счет собственного чекана и получавшие чрезвычайно ограниченное количество монет извне, очевидно, были вынуждены принимать в качестве ходячей монеты денежные знаки всех времен. Безусловно, такое положение было возможно лишь при ограниченном обмене. К сожалению, стратиграфия раскопок ничего не дает для проверки выводов, сделанных на материале клада. Достаточно напомнить, что во всех изданных отчетах совершенно отсутствует описание слоя VIII в.²⁴ Монеты из раскопок 1950 г., опубликованные А. М. Гилевич²⁵, не выходят за пределы V столетия и поэтому не могут быть использованы для характеристики денежного обращения VIII в. Единственная

¹⁸ I. V. Sokolova. Les monnaies siciliennes du IXe siècle des fouilles de Chersonèse. — «Atti del congresso internazionale di numismatica», v. II. Roma, 1965, p. 565—570.

¹⁹ ИАК, № 2, 1902, стр. 34.

²⁰ ИАК, № 4, 1903, стр. 134—135, 172.

²¹ J. M. Harris, Coins found at Corinth, p. 145.

²² И. В. Соколова. Клады византийских монет..., стр. 60.

²³ S. M. Mosser. Op. cit., p. 61—62; S. Vronis. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins from the Thomas Whittemore Collection and Numismatic Evidence for the Urban History of Byzantium. — ЗРВИ, VIII, 1963, стр. 291—300.

²⁴ Лишь в одном случае помещения датированы VI—Xвв., а именно: в совместном отчете Г. Д. Белова и С. Ф. Стржелецкого о раскопках в кварталах XV и XVI (МИА № 34, 1953, стр. 104).

²⁵ А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г., стр. 190 и сл.

монета более позднего времени — с монограммой — должна быть датирована периодом XI—XIII вв. и попала в засыпь, вероятно, случайно.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на разновременность, все монеты клада принадлежат приблизительно к одной весовой группе. Все они небольшого диаметра (15—20 мм), весом 1,5—3 г. Вероятно, в процессе обращения в Херсоне выработался какой-то денежный стандарт, по которому монеты и отбирались естественным путем. По этому стандарту была начата эмиссия IX—X вв. Первые ее монеты (с буквами Π на лицевой и Χ на оборотной стороне), как опубликованные А. В. Орешниковым²⁶, так и содержащиеся в кладах из раскопок И. А. Антоновой, подготовленном к изданию, не превышают 13—20 мм в диаметре и 2 г в весе. Таким образом, эмиссия IX—X вв. появилась не на пустом месте. В ее монетах нашли отражение традиции денежного обращения, а также монетного дела предшествующего времени, как, например, техника литья (а не чеканки) монет, впервые примененная в VII в. Существует немало и других фактов, как нумизматического, так и не нумизматического характера, подтверждающих существование непрерывной традиции в разных сторонах экономической жизни Херсона. Это и приводит нас к убеждению, что не глубокий упадок города, равносильный перерыву в его существовании, вызвал прекращение эмиссии в VII в., хотя, несомненно, денежное обращение сократилось. Это явление представляется более сложным и находится в связи не только с экономическими, но и политическими тенденциями в Византийской империи. Напомню, что возникновение афинского монетного двора, бездействовавшего в течение V—VII вв., приходится на самый тяжелый, кризисный момент в жизни империи²⁷ (конец VII — начало VIII в.). Хотя это и звучит парадоксально, но прекращение его деятельности, кажется, следует связать с монетной реформой Льва III и Константина V, приведшей к упорядочению монетного дела и стабилизации денежного обращения. С прекращением функционирования афинского монетного двора Византия даже в период своего расцвета в правление Македонской династии имела в восточных областях империи только один официальный монетный двор — константинопольский^{27а}. Можно полагать, что право выпуска собственной монеты, унаследованное провинциальными городами еще от античности, было у них изъято. Однако Херсон, сохранивший самоуправление до XI в.²⁸, оказался в особом положении.

Монеты, выпуск которых начался в середине IX в., наиболее многочисленны среди найденных в Херсонесе. Их оригинальный тип, техника изготовления и метрологические данные, по-видимому отличавшиеся от константинопольских, но, как уже говорилось выше, связанные с монетами предшествующего времени, обращавшимися в Херсоне, — все заставляет думать о замкнутости денежного обращения в городе, об известном сходстве местной экономической ситуации с политическими и экономическими условиями в итальянских провинциях, где большая близость к Западной Европе, чем к Византии, отразилась как на метрологии монет и их типе, так и на характере денежного обращения. Херсонская эмиссия этого периода еще совершенно не изучена с точки зрения монетной системы и отношения этой системы к общеимперской. Предпринятая попытка точнее определить и классифицировать данные монеты привела к выделе-

²⁶ А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты, стр. 365, № 17.

²⁷ M. Thompson. Some Unpublished Bronze Money of the Early Eighth Century. — «Hesperia», v. IX, n. 3, 1940, p. 358—384.

^{27а} Высказанное Ф. Грерзоном и М. Томпсон предположение о существовании в Византии монетных дворов, не ставивших обозначения на монетах (The Athenian Agora, v. II, by M. Thompson. New Jersey, 1954, p. 7), пока остается недоказанным, несмотря на большую работу, сделанную Д. М. Меткалфом (D. M. Metcalf. Coinage in the Balkans. Thessaloniki, 1965).

²⁸ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 63, 1959, стр. 53.

нию из них большой группы с монограммой Ϛ и вынесению этой группы за

пределы IX—X вв.^{28а} Предложенная нами передатировка существенно меняет представление о херсонской экономической жизни в XI—XIII вв.

В отличие от Херсонеса, находки византийских монет в других районах Крыма невелики: зафиксировано 80 золотых, серебряных и медных монет, из которых 18 — херсонского чекана (причем 12 из них — с монограммой Ϛ). Следует, однако, подчеркнуть, что эти сведения содержатся

лишь в публикациях. В действительности число найденных монет должно быть больше, так как некоторые материалы раскопок не изданы, например данные о раскопках интересного средневекового поселения на горе Тепсень. Разумеется, если бы были известны все находки, наши суждения были бы объективнее, ибо при немассовости материала любое новое открытие может привести к изменению наших представлений. В таких условиях единственное, что оправдывает предлагаемые выше выводы, — это то, что большинство монет происходит из раскопок и подкреплено другим материалом.

Итак, если не учитывать клад палеологовского времени из Судака, насчитывающий 21 экземпляр, то окажется, что на первый период (два века — VI, VII) приходится около трети всех найденных монет, на остальные семь столетий — две трети. К первому периоду относятся следующие монеты: Юстина I — 1 экз. (Суук-Су); Юстиниана I — 4 золотые монеты (2 — Старый Крым, 1 — Керчь, 1 — Кореиз), 5 медных (Чуфут-Кале, Балаклава, Суук-Су, Керчь), 1 субэратная (Чуфут-Кале); Маврикия — 1 золотая (Феодосия), 4 медных (3 — Керчь, 1 — Скалистое), 6 херсонских (Керчь, Кореиз, Гурзуф, Гончарное, Бага, бухта близ Севастополя); Фоки — 1 медная (Керчь), Ираклия — 1 золотая (Пампук-Кая), 1 серебряная (Чуфут-Кале); Константа II (Восточный Крым), Константина IV — 1 золотая, 2 медные (Восточный Крым); Тиберия III — 1 медная (Восточный Крым). Как это особенно наглядно видно на карте, медные монеты Юстиниана I и херсонские монеты Маврикия концентрируются в основном в Юго-Западном Крыму (долина Черной речки и южный берег до Гурзуфа). Монеты второй половины VII в., а также золотые монеты найдены в Восточном Крыму. Особо следует выделить находки в Чуфут-Кале, которые дают типично варварский материал.

Чем может быть объяснена разница в составе монет в Юго-Западном и Восточном Крыму? По-видимому, прежде всего их разным отношением к Херсону, а также различиями в системе тех политических сил, которые соперничали здесь в VI—VII столетиях. Как было указано выше, медь и золото были основными металлами внутреннего денежного обращения Византии, причем в повседневном обращении находилась исключительно медь. С этой точки зрения Юго-Западный Крым с преобладающими находками медных монет (к тому же херсонского чекана) представляется внутримперской областью, зависимой от Херсона, что соответствует и показаниям письменных источников и археологическому материалу. Восточные области Крыма также входили в сферу византийского влияния, но скорее всего их отношения с метрополией осуществлялись самостоятельно, без посредничества Херсона, так как среди монет, найденных там, преобладают медные и золотые монеты константинопольского чекана. Как было отмечено, район Бахчисарая (Чуфут-Кале) отличается по характеру находок и от Юго-Западного и от Восточного Крыма: там были найдены субэратные монеты и гексаграмма Ираклия, даже подражания византийским монетам, которые не свойственны византийскому денежному обращению.

^{28а} И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона. — «Нумизматика и сфрагистика», III, стр. 86—113.

Второй половине второго периода (вторая половина IX—X в.) соответствует чрезвычайно обильный выпуск литых херсонских монет с именами императоров, о котором упоминалось выше. Казалось бы, при большом количестве этих монет можно было бы ожидать их широкое распространение в Крыму. Однако они найдены всего в двух местах — в Партенитах (7 экземпляров) и в Керчи и Тиритаке (по одному экземпляру). Если учесть, что херсонские монеты найдены в Тмутаракани, Саркеле, Кieve и даже в Коринфе, то их отсутствие в других районах Крыма еще более резко подчеркивает безденежный характер сельского хозяйства полуострова в VIII—X вв. и ориентацию экономики Херсона на внешнюю торговлю. Судя по данным нумизматики, Херсон был лишен товарной земледельческой периферии. Это отнюдь не означает, что вокруг Херсона, в горном Крыму и на южном побережье, не было земледельческого населения. Это не означает также, что херсонцы не занимались сельским хозяйством или не были с ним как-то связаны. Говоря об отсутствии товарной земледельческой периферии, я имею в виду, что окружавшее Херсон земледельческое население не поддерживало с ним товарных отношений. Напротив, городские и торговые центры Крыма (Партениты, Керчь) были связаны с Херсоном. Следует напомнить, что Партениты были торжищем, куда приходили корабли из Малой Азии. Это поселение все еще не раскопано. Найденные же там монеты происходят из храма «12 апостолов», открытого в конце прошлого столетия²⁹. И если только в помещении церкви найдено больше херсонских монет, чем во всем остальном Крыму, нужно думать, что это поселение часто посещалось херсонцами и здесь можно ожидать значительные находки херсонских монет IX—X вв.

Собственно византийские монеты этого времени представлены в Крыму всего двумя номисмами (Василия I и Константина VII), найденными в районе Судака. Двух монет, разумеется, слишком мало, чтобы делать какие-либо выводы. Немногим больше и монет VIII в., однако почти все они найдены в одном месте, на плато Тепсень (за исключением одной монеты Константина V, происходящей из Чуфут-Кале). Мы уже упоминали, что монеты, найденные здесь, полностью не изданы и поэтому следует быть осторожным в выводах, но, согласно опубликованным данным, Тепсень предстает перед нами как чрезвычайно интересное и единственное в своем роде поселение VIII в. Как отмечалось выше, монеты VIII в. редки не только в Крыму, но и в самой Византии. На раскопе найдены лишь монеты императоров-иконоборцев и к тому же только золотые. Если учесть, что один золотой солид равнялся 288 счетным фоллам, а плата византийскому рабочему в то время колебалась от трети солида до двух солидов в месяц, то можно себе представить, почему преобладает медь в раскопках византийских городов. Отсутствие ее — явный признак неразвитости товарных отношений. Поэтому находки золотых монет на плато Тепсень лишь подчеркивают, что это поселение было значительным политическим центром варварского мира в Крыму.

Византийские монеты XI—XII вв. еще более редки на крымской территории, чем монеты предыдущего времени: появление итальянцев в Крыму, по-видимому, начало оказывать свое влияние. Те немногочисленные находки, которые нам известны, свидетельствуют о некоторых изменениях в распространении как византийских, так и херсонских монет. Следует отметить их появление в Бельбекской долине, в районе средневекового княжества Феодоро, куда они проникали, очевидно, через Херсон. Так, на Мангупе найдена одна анонимная монета, на Эски-Кермене — две херсонские с монограммой (см. стр. 232) и одна монета никейского императора Феодора II Ласкариса. Остальные пять монет найдены в тех же

²⁹ Н. И. Репников. Партенитская базилика. — ИАК, № 32, 1909, стр. 95—98.

центрах, что и монеты предыдущего периода: одна — в Керчи, три — в Парthenитах и одна — в Судакe.

Нумизматический материал еще только начинает привлекаться в византийских исследованиях как равноправный источник. Методика его использования не выработана, неразработанность большинства проблем в самой византийской нумизматике ограничивает исследователя. Мы предприняли здесь лишь попытку систематизировать сведения о находках византийских монет на ограниченной замкнутой территории и связать их с проблемами жизни и исторического развития данной области. Автор целиком зависел от наличного материала. Накопление новых сведений неизбежно должно привести к корректировке некоторых наших выводов, однако объективная ценность монет как исторического источника от этого не утратится.